

ской коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. Прецедентное имя может быть использовано как в основном (денотативном), так и в метафорическом (коннотативном) значении. Как в первом, так и во втором случае прецедентное имя может характеризовать человека по ряду параметров (те или иные факты биографии, характер, успехи и неудачи, оценка и др.). Показательно, что как при буквальном, так и при метафорическом использовании имени собственного, как правило, существует возможность выявить, какой из дифференциальных признаков оказывается акцентированным. И в том и в другом случае Наполеон чаще всего выступает как талантливый военачальник и выдающийся социальный реформатор, однако во многих контекстах обнаруживается и негативная окраска, связанная с представлением Наполеона Бонапарта как завоевателя, спалившего Москву, потерпевшего поражения в самых главных сражениях и умершего в ссылке на далеком острове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.
- Национальный корпус русского языка // ruscorpora.ru
- Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. М., 2006.
- Норман Б.Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики // Русский язык в школе, 2007, № 5.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике – М., 1958, – Т. I-II.

© Нахимова Е.А., 2007

Скребцова Т. Г.

Санкт-Петербург, Россия

ОБРАЗ МИГРАНТА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Abstract

Nowadays the media are constructing the negative stereotype of concept 'migrant' in public opinion. Such a situation intensifies social tension, contributes to the strengthening of the racist prejudices and may provoke into international strife.

В последние годы мы являемся свидетелями формирования в массовом сознании стереотипа, связанного с понятием *мигрант*, – не в последнюю очередь из-за распространения в средствах массовой информации дискурса на тему миграции в Россию людей из других государств (прежде всего, из стран СНГ). (Под стереотипом будем понимать сильно упрощенные, клишированные представления, с помощью которых осуществляется категоризация предметов и явлений и дается заранее запрограммированная их оценка [Трошина 2000: 69].) Известно, что общественное сознание вырабатывает стереотипы как в отношении «чужих», так и в отношении «своих», однако именно образ «чужих» оказывается особенно искаженным, односторонним и пристрастным. В целом, они воспринимаются более схематично и оцениваются менее благоприятно, чем члены «своей» группы. Эта общая закономерность проявляется и в новой для нас тематической разновидности дискурса (Это именно тематическая разновидность, но никак не жанр, который, по Бахтину, должен характеризоваться не только определенной тематикой, но и устойчивой композицией и стилистикой [Бахтин 1986]. Что касается дискурса о мигрантах, то он может реализовываться в разных жанрах, таких как информационная заметка, аналитическая статья, бытовые разговоры, электронные чаты и форумы и др.) – дискурсе о мигрантах.

Перечислим основные составляющие стереотипа *мигрант*, регулярно встречающиеся в соответствующих публикациях. Мигранты:

- преимущественно выходцы с Кавказа или из Средней Азии (именно они вызывают наибольшую неприязнь, и описываемый стереотип касается прежде всего их, в то время как к мигрантам из Белоруссии, Украины и Молдавии отношение вполне терпимое);
- имеют неопрятный внешний вид;
- часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ);
- не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих;
- плохо знают русский язык;
- не уважают «наши» правила поведения, обычаи и культуру (*лезут в чужой монастырь со своим уставом*);
- берутся за любую, самую тяжелую и грязную, работу, которую не хотят выполнять коренные жители, готовы трудиться за многократно меньшую заработную плату, получать деньги через «черную» кассу, не иметь страховки и трудовых льгот (Согласие мигрантов на сверхэксплуатацию часто представляется как вытеснение русских с рынка труда и снижение уровня их зарплаты);

- обладают сплоченностью, образуют этнические криминальные группировки, занимающиеся ограблениями, наркоторговлей, контрабандой оружия и причастные к терроризму;

- создают острейшие социальные проблемы, обостряя обстановку в российских городах и селах;

- осуществляют отток денег в страны СНГ, тем самым способствуя росту национальных экономик и нанося финансовый ущерб России.

Последствия миграции оцениваются авторами публикаций в лучшем случае как неоднозначные, в худшем – как безусловный вред для интересов нашей страны и серьезная угроза ее безопасности.

Обращает на себя внимание содержательная близость перечисленных признаков к компонентам расистской идеологии, выделенных одним из крупнейших представителей критического анализа дискурса Т. А. Ван Дейком (см., напр. [Дейк 1989]). Ср. также: «... расистский дискурс преувеличивает различия во внешности или культуре «своих» и «чужих» и постоянно объясняет и устанавливает границы, кто включен в понятие «мы», а кто нет (в данном регионе, стране, городе или в его окрестностях). Он сравнивает также «их» нормы и ценности с «нашими» в выгодном для «нас» свете, он «волнуется» только о «наших» ресурсах (территории, доходе, жилье, рабочих местах, культуре и пр.). А еще дальше внимание сосредоточивается на том, что же «они» делают не так, а «мы» так, и как «нашим» интересам угрожают «чужие» [Дейк 2000: 59].

Оппозиция «мы – они» (она же «свои – чужие») и соответствующие стереотипы массового сознания обуславливают использование различных, можно сказать, противоположных, метафор для характеристики понятия *мигрант*, с одной стороны, и новой России, оказавшейся на перекрестке миграционных потоков, – с другой. Обращает на себя внимание тот факт, что мигранты в дискурсе СМИ регулярно предстают в виде некоей неодушевленной массы, ср.: *поток, приток, отток мигрантов, резервуар мигрантов* (страны СНГ), *миграционный взрыв, рабочие руки, рабочая сила, инструмент для вытеснения коренного населения и даже антропологическое оружие в необъявленной демографической войне (!)*. Показательны в этом отношении слова К. Ромодановского, директора Федеральной миграционной службы: «*Кто такой мигрант? Это рабочая сила. Конечно, мигранты нужны. Мы еще будем бороться за рабочую силу, за трудовых мигрантов. Это время, возможно, впереди. Страны Европы за это уже бьются – не хватает рабочих рук*» (интервью телеканалу «Вести» 6 июня 2007 г.; курсив мой – Т.С.).

Россия же, напротив, олицетворяется (Ср. концептуальную метафору «Государство – это

человек» [Lakoff 1991]) и выступает в роли благодетеля; ее сравнивают с *донором, кормящей мамой, птицей из арабской сказки, которая кормит птенцов собственным мясом* и т. п. Она *оказывает гостеприимство, не бросает вчерашних братьев, закрывает глаза на неравноправную приграничную торговлю, поставляет энергоресурсы по заниженным тарифам* и т. п. Таким образом, неодушевленное понятие (страна) персонифицируется, а люди (мигранты), наоборот, обезличиваются. Понятно, что эти взаимно противоположные метафоры неслучайны: трактовка мигрантов как неодушевленной массы способствует закреплению схематического и предвзятого образа (стереотипа), в то время как олицетворение России подчеркивает ее *благородное поведение* в отношении чужих и истинно *человеческие качества*.

Разумеется, образ мигранта в СМИ не всегда «деперсонифицируется». Обезличивания обычно не происходит в материалах, выражающих сочувствие к участи этих людей, озабоченность по поводу их бедственного положения в современной России, ср. *бесправные гастарбайтеры, которых можно без труда уволить и заменить новыми, их обируют, продают в рабство, убивают*. То, что именно в таких публикациях речь идет о трудностях и бедах конкретных людей (а не о безличной рабочей силе), опять же закономерно. Пробудить в читателе / слушателе понимание и симпатию можно, акцентируя тезис «мигрант – тоже человек», но никак не при помощи метафоры деперсонификации, концептуализирующей людей как часть неживой природы и «работающей» на закрепление уже сложившегося стереотипа.

Миграция рассматривается в СМИ преимущественно как объективный и неизбежный процесс: экономика России нуждается в дополнительных трудящихся из-за рубежа, а то, что они готовы на сверхэксплуатацию, создает заинтересованность бизнеса в их привлечении. Поскольку этот процесс представляется неизбежным, размышления о том, насколько он полезен и желателен для нашей страны, отходят на задний план. Обсуждаются лишь способы оптимизации миграционной политики, как-то: наведение порядка в пограничном контроле, введение миграционных квот, выявление вакантных ниш занятости, социально-культурная адаптация национальных меньшинств, их интеграция в российское общество, предотвращение межэтнических и межконфессиональных конфликтов и т. д.

В то же время, отдельные авторы представляют трудовую миграцию в Россию как результат злой воли западных политиков и находящихся под их влиянием российских государственных деятелей, навязывающих стране этот, заведомо пагубный, путь развития. В отличие от предыдущей точки зрения, данный

подход предполагает наличие альтернативы. Миграция не является ни необходимой, ни неизбежной; без нее можно обойтись. Это процесс не объективный, а зависящий от воли определенных людей, и с ним можно и должно бороться... Подобные мысли выражаются обычно весьма эмоционально; язык соответствующих публикаций характеризуется широким использованием стилистически окрашенной лексики и фигур речи, в том числе метафор. Ср.: *орды базарных торговцев; стаи наркодилеров; банды вымогателей и сутенеров; уголовная накипь; своры азиатов, наглых и беспардонных, стремящихся к одному – занять наше место, сделать нашу страну похожей на свои аулы; они несут смерть и разрушение России, превращают наши города в «территорию охоты»* и т.п. (Сосуществование разных картин одного и того же социального явления вполне закономерно – именно так, по-видимому, происходит осмысление новых реалий общественной жизни (ср. наивные образы глобализации, описанные в [Скребцова 2003])).

Миграция вообще нередко уподобляется экспансии, вторжению, захвату, оккупации, причем это происходит не только в материалах, подобных процитированному выше, но и в тех, что написаны с «нейтральной» точки зрения (По-видимому, можно говорить о том, что подобное осмысление процесса миграции носит регулярный характер и не ограничено каким-либо национальным дискурсом – см. [Будаев, Чудинов 2006]). Об опасности концептуализации различных областей жизни в военных терминах написано уже столь много (в частности, в литературе, посвященной русскому языку советской эпохи), что нет необходимости говорить об этом вновь. Печально, однако, что «концептуальный милитаризм» [Баранов, Караулов 1991: 15] оказывается живуч, и мы по-прежнему с готовностью делим окружающих на «своих» и «чужих», причем это деление легко перерастает в оппозицию. «Чужие» оказываются врагами (они *оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население, несут смерть и разрушение России*), и мы начинаем искать те пути разрешения проблемы, которые подсказываются реальными военными действиями (*ставить преграды, строить стены, рвы и концлагеря*).

Активизация фрейма *война* эмоционализирует обсуждение, «а это всегда подозрительно», по меткому выражению В. Клемперера по поводу языка Третьего рейха [Клемперер 1998: 50]. Эмоционализация дискурса СМИ о мигрантах в последнее время идет по нарастающей. Заметным (и, на мой взгляд, чрезвычайно значимым) ее проявлением становится смена аспекта оценки при обсуждении миграционной ситуации в России. Из юридической плоскости разговор переводится в бытовую: категории «легальный / нелегальный мигрант» все чаще

заменяются оппозициями «нужный/ненужный», «желательный/нежелательный», «полезный / бесполезный / вредный» и общеоценочными понятиями «хороший/плохой». Ср.: *разработка мер для привлечения в Россию «хороших» мигрантов – соотечественников из государств СНГ и Балтии; отсев «плохих» мигрантов; надо бы большую часть трудовой миграции без разговоров считать вредной; надо сделать миграционную политику более гибкой, введя балльную систему оценок и упрощая въезд тех, кто набирает больше баллов (т.е. является «желательным» мигрантом); для действительного «полезных» категорий сделать «зеленый коридор»; мигрантов необходимо разделять не на «законных» и «незаконных», а на «нужных» и «бесполезных»; Россия сегодня нуждается только и исключительно в необходимых и полезных для страны мигрантах; отделение тех, кто нужен стране, от тех, чей приезд нежелателен* и т.д.

Очевидно, что происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической (по классификации оценок, предложенной в [Арутюнова 1984]). (На заседании столичного правительства 6.06.07, где обсуждалась московская целевая миграционная программа на 2008-2010 гг., Ю. М. Лужков задал вопрос, «зло для Москвы миграция или добро, помощь», и сам же на него ответил, что «это злая помощь», и далее в обсуждении иначе как «злом» мигрантов не называл) При этом этот сдвиг не связан с позицией субъектов оценки (авторов публикаций): независимо от того, считают они миграцию неизбежной и выгодной для России процессом или явным злом, их речи в последнее время стали более пристрастными и эмоционально окрашенными. Что может означать эта тенденция?

Понятно, что авторы материалов в большинстве случаев (за исключением некоторых жанров электронной коммуникации) выражают не только и не столько собственные мнения и оценки. Они вынуждены учитывать позицию редакции, а также «просчитывать» предполагаемую реакцию массового адресата, принимая во внимание существующие социальные стереотипы. С другой стороны, в их же власти и влиять на эти стереотипы, формировать убеждения, настроения, нормы и ценности аудитории. Связь между идеологиями социальных групп и масс-медиа отчетливо сформулирована одним из виднейших представителей критического анализа дискурса: «идеологии формируются и воспроизводятся посредством языка, иначе говоря, в текстах, в дискурсе. Такие идеологии, как коммунизм, либерализм, феминизм, расизм или антирасизм, не были бы так сильны и не имели бы так много сто-

ронников, если бы их идеи не воспроизводились в ежедневном дискурсе их лидеров и сторонников, не тиражировались бы средствами массовой информации» [Дейк 2000: 50].

Исходя из этого, можно предположить, что нам вполне сознательно предлагают осмыслять и обсуждать проблему трудовой миграции, руководствуясь не разумом и законом, а искусственно возбужденными эмоциями. По словам Е. М. Вольф, «в мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [Вольф 1985: 203]. Таким образом, от концептуального мира, построенного на правовом фундаменте (другой вопрос: был ли он построен и в какой степени, если от него так легко отказаться?), мы (под незаметным, но эффективным руководством СМИ) переходим к концептуальному миру, основанному на понятиях *нравится / не нравится, подходит / не подходит, хочу / не хочу*.

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М., 1984.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. М., 1989.

Дейк Т. А., ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Минск, 2000.

Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.

Скробцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus Philologicus*. 2003. N 4. Kaunas, 2003. С. 73-79.

Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе масс-медиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // В. Hallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.

© Скробцова Т.Г., 2007

Червиньски П.

Катовице, Польша

СЕМАНТИКА НЕГАТИВНО ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(Ср. подобный подход в [Zaslavsky, Fabris 1982])

Abstract

The units naming the persons, make one of the most numerous nominative groups of the Soviet reality language. With their help in language of the Soviet ideology and propagation were made differentiation (distribution on categories) and estimation of various groups, layers and representatives of controlled society, that it is possible to consider as one of leading tools of authority realization. The article is devoted to the working out of criteria and bases of paradigmatic description of the negative estimation categories at a designation of persons in the Soviet reality language. The outputs to representation of man in the Soviet language world picture are outlined. It is made the conclusion of necessity to elaborate the generative-perceptive base of the sovietized language for description of internal, conceptual features causing semantics and word-using of this specific usual form of national language.

***

Изучение всякой функциональной формы национального языка предполагает, по-видимому, началом (и завершением) определение ее специфики, с характеристикой сходств и отличий от того общего, частью которого она является. Язык советской действительности, рассматриваемый в данной статье с точки зрения семантических категорий, сопровождавших оценку в нем человека, может быть интерпретирован как такая форма по отношению к русскому языку.

Не вдаваясь в теоретические подробности и не стремясь его как-то более или менее точно определить – как язык (или только дискурс) политизированный, идеологизированный, тоталитарный, пропагандистский, официальный, партийный, как новояз (*powomowa, newspeak*), квази-, псевдоязык [Seriot 1986], [Weiss 1986], [Głowiński 1990], [Купина 1995], [Земская 2000], не возражая в принципе, но и не принимая для себя никакого из этих определений, попробуем подойти к явлению несколько с иной стороны, точнее, двух разных сторон. Во-первых, как к узуальной форме национального, русского в данном случае, языка, поскольку таковым он в известный период времени был, а во-вторых, изнутри его самого, на выбранном для анализа материале постаравшись определить, на основе каких смысловых и оценочных механизмов он действовал. А поскольку идеологизованность, во многом сознательно создаваемая и вводимая, политическая и оценочная ангажированность его единиц [Ермакова 2000], несомненно, являлись определяющим и характеризующим свойством данного языка, определение указанных механизмов может дать представление не только о нем самом, но и о возможном действии всякой идеологически, мировоззренчески и когнитивно заряженной узуальной формы национального